

Отже, проаналізовані нами оказіональні експресивні художніх текстів Олесь Гончара свідчать про великий талант автора створювати образи, які тяжіють до прекрасних людських якостей, уміння відсіювати все буденне і сіре. Подальшого дослідження потребують емоційно забарвлені лексеми та фразеологічні сполуки, які використав Олесь Гончар для створення ідіостилю.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 607 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
3. Білодід І.К. Мова і мистецтво. Мова як мистецтво // Мовознавство. – 1978. – №5. – С. 20–29.
4. Бойко Н.І. Українська експресивна лексика в словнику, мові та мовленні. – Ніжин, 2002.
5. Гончар О. Циклон. Тронка. Собор: Романи. – К.: Рад. шк., 1990. – 592 с.
6. Григорьев В.П. Словообразование и смежные проблемы языка поэта. – М.: Наука, 1986. – 255 с.
7. Дремов А.Н. Специфика художественной литературы. – М.: Просвещение, 1994. – 200 с.
8. Кочерган М.П. Слово і контекст: лексична сполучуваність і значення слова. – Л.: Вища школа, 1980. – 182 с.
9. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – 2-е изд. перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 188 с.
10. Лыков А.Г. Оказионализм и языковая норма // Грамматика и норма. – М., 1977. – С.62–83.
11. Лінгвостилістика: об'єкт – стиль, мета – оцінка: Збірник наукових праць, присвячений 70-річчю від дня народження проф. С.Я.Срмоленко / Відп. ред. академік НАН України В.Г.Скляренко. – К., 2007. – 528 с.
12. Мойсєєнко А.К. Мова як світ світів. Поетика текстових структур. – Умань, 2008. – 280 с.
13. Стишов О.А. Відфраземні деривати-неологізми в сучасній українській мові // Мовознавство. – 1990. – №2. – С. 64–66.
14. Чабаненко В.А. Норми словотворення і мовна експресія // Мовознавство. – 1980. – №2. – С.13–20.
15. Чабаненко В. А. Стилїстика експресивних засобів української мови. – Запоріжжя: ЗДУ, 1993. – 215 с.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Ольга Попова – доцент кафедри української мови Інституту філології Бердянського державного педагогічного університету, кандидат педагогічних наук.

Наукові інтереси: функціональна лексикологія української мови.

КЛАССИФИКАЦИОННОЕ ВЕРБАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВОСТОЧНЫМИ СЛАВЯНАМИ В XI – XVII ВВ.

Наталья ПРУТКАЯ (Николаев, Украина)

У статті аналізується один із принципів класифікаційного членування тваринного світу в письмових пам'ятках східних слов'ян XI – XVII ст. (протиставлення дикі тварини – свійські тварини) на прикладі номена «живот» та його похідних.

The article analyses one of the principles of classified division of animal world in written works of western Slavonians of XI–XVII centuries (cotraposition of wild animals – domestic animals) using the stem “zhivot” and its derivatives.

Исследования лингвистической по своей природе ментальности актуальны и ведутся учеными различных научных направлений. Слово в его соотношении с разнообразными аспектами человеческой мысли и бытия является предметом изучения лингвистической философии, лингвокультурологии, этнолингвистики (см. работы Постоваловой В.И., Радченко О.А., Рамишвили Г.В., Толстого Н.И., Топоркова А.Л., Цивьян Т.В., Яковлевой Е.С.). Для лингвиста чрезвычайно важен анализ лексики конкретного языка, в частности отдельных лексико-семантических групп или отдельных слов, так как именно в лексическом составе языка заложены концептуальные знания о действительности, накопленные народом за долгое время своего исторического существования.

Внимание к лексико-семантическим процессам в языке именно преднационального периода не случайно. XI – XIV века представляют интерес в плане изучения генетических корней трех восточнославянских языков как основы ментальности будущих наций. Метод сопоставления различных культур и выбор типологических признаков должен быть многоуровневым и охватывать различные периоды отечественной истории, начиная с XI века – времени появления оригинальных памятников национальной культуры. В XV – XVII века формируются основы национального научного и бытового словаря русского, украинского и белорусского языков, происходит отбор семантически емких и стилистически выразительных слов в общенародный лексический фонд.

Исследования познавательной деятельности человека, которая формируется и осуществляется с помощью языка, в свете теории лингвистической относительности небесспорны и носят дискуссионный характер. Однако концепция языка В. фон Гумбольдта,

в частности ее положение о языковой картине мира, существенно повлияла на взгляды выдающихся философов, психологов, лингвистов XIX – XX вв. Работы Г. Штейнталя, В. Вундта, Л. Вайсгербера, Й. Трира, Г. Шпета, А. Потемни, Э. Сепира, Б. Уорфа посвящены изучению сущности и природы языка как деятельности, влияющей на мышление и поведение человека и в значительной степени определяющей характер ментальности нации [1; 2; 4].

Язык – это не только звучащая материя, а феномен, позволяющий членить по определенным типам «мир понятий» и определять структурные отношения между его элементами. Лексические формы, действующие на сознательном и подсознательном уровнях, образуют языковую картину мира – схему категоризации и объективации индивидуального опыта.

Й. Трир писал об этом следующим образом: «Каждый язык представляет систему отбора, стоящую над объективной реальностью и противопоставляемую ей. Фактически язык создает самостоятельный и законченный образ действительности. Каждый язык членит реальность по-своему и таким образом устанавливает элементы реальности, которые свойственны только данному языку. Элементы реальности, фиксированные в одном языке, никогда не повторяются в той же самой форме в другом, точно также они не являются простым и механическим отображением реальности. **Они представляют собой лингвистико-концепциальную реализацию картины действительности, создаваемую на основе неоднородной, но определенным образом членящейся модели, которая непрерывно сопоставляет и противопоставляет, соотносит и различает данные действительности**» [3: 305].

В восточнославянской языковой картине мира зафиксировано членение животного мира Древней Руси, отличающееся от аналогичного членения в современных восточнославянских языках. Различия классификационного и семантического порядка объясняются рядом причин, которые выясняются с помощью детального анализа экстралингвистических и собственно лингвистических факторов.

Познание животного мира для древнего человека было жизненно необходимым. Непосредственное и абсолютное познание мира невозможно, но степень приближения к этому «абсолюту» определяет степень успешности освоения действительности. Этапы и результаты этого освоения фиксируются на протяжении эволюционного развития языка в категориях (понятиях), которые закрепляются с помощью соответствующих обозначений.

Первоначальная классификация животных на классы и виды по причине их более глубокого изучения видоизменяется со временем. У разных народов принципы членения различаются, часто очень существенно. Неогумбольдтианцы считают, что в таких случаях речь идет о различиях в человеческом мышлении, в способах осмысления увиденного, услышанного, постигнутого органами осязания и обоняния. Мышление выполняет доминирующую функцию, но при этом «дух» языка увеличивает свое влияние и приводит к определенным результатам, часто отличающимся от реальной картины.

Противники теории лингвистической относительности полагают, что разное членение одного и того же явления (фрагмента действительности), которое находит свое выражение в языке, не приводит к разным познавательным результатам [3: 334]. На примере анализа обобщающих названий диких и домашних животных мы в своих работах пытаемся доказать обратное: классификационные различия играют очень важную роль в познании мира. Начальный период освоения дикой, загадочной, непонятной природы требовал широко разветвленной классификационной системы, которая со временем утрачивает свою актуальность, но остается в «свернутом» виде в отдельных регионах и бытует в народных говорах.

В процессе эволюционного исторического развития каждый народ накапливает понятия об объективной действительности и структурирует их с помощью языка по-своему, с учетом закономерностей функционирования системы конкретного языка. В содержании языка отражается культура, быт народа и их специфические формы. Способы объединения и разделения информации о реальном мире можно проанализировать, изучив процесс формирования и стабилизации структурных отношений в языке (прежде всего, парадигматических и синтагматических).

Классификация животного мира основывалась на ряде противопоставлений. Для древнего человека одним из существенных являлось противопоставление *дикие животные* – *домашние животные*. Граница между этим членением постоянно разрушалась, так как часть диких животных в ходе освоения мира переходила в разряд домашних (собака, кот, кролик, бык, свинья), или наблюдалось обратное явление: не «вписывающиеся» по своим функциям в домашний быт или тяжело приручаемые звери «возвращались» в свою привычную среду обитания (ласка, волк, песец).

Рамки статьи не позволяют рассмотреть все наименования животных, указывающих на их принадлежность к дикой природе или степень близости к человеку и его быту. Мы проанализируем лишь противопоставление *дикие животные* – *домашние животные* на примере функционирования одного номена – *живот* – и его производных, в семантике которого изначально была заложена внутренняя дихотомия, наблюдающаяся и в наши дни, о чем свидетельствуют материалы народных говоров.

Общее наименование *животное* является производным от праславянского слова *живот*, этимология и происхождение которого достаточно хорошо изучены: ср. русск. живот, белор. живот, укр. живіт «живот», ст.-слав. животь, болг. живот «жизнь», сербохорв. живот «жизнь, мошонка», словен. žīvôt «тело», чеш. život «жизнь», словц. živôt, польск. żywot, в.-луж. žiwot «тело» (родственно лит. gyvata «жизнь, образ жизни; усадьба»; др.-прусск. giwato «жизнь», греч. βίωτος «жизнь, средства к существованию»; лат. vita «жизнь») (Фасмер II, 52).

В древнерусском и старославянских языках до XVII в., означая «жизнь», «все живое», «имущество», номен *живот* служил общим наименованием животных и человека. Немного пафосно, однако глубоко философски звучит фраза: Члкъ есть живот до часу позыченый (Кін., 496 – 51 – 51б).

Архаизм *живот* в значении «жизнь» вошел в устойчивое словосочетание *держать до животов своих* в значении «пользоваться чем-то до смерти» (*доживотный* «пожизненный», *доживотье* «право на пожизненное пользование»): Мають помененые Гурынъ, Иванъ и Мишко Митковичы сами и ихъ жоны ... тыхъ острововъ Лукьяновского и пляцу на немъ ... *до животовъ своихъ держати* (АВК XXIV, 387. 1581 г.).

Дикие и домашние животные являлись основой благополучной жизнедеятельности человека, его ценным «скарбом»: Есть *животь*, глѣмыш нѹдръ и образъ имьи песии (Физ., 311. XV в.); како подобаеть водити *животь*. дабы захованъ, въ здравьи (Арыст., 140 – ГСБМ IV, 79); *жыветовъ* было у меня у дворѣ ... (АВК XXXIV, 92. 1656 г.).

Наименование *живот(ы)* часто уточняется определением *бессловесный*, тем самым проводится граница (в этот период во многом условная) между понятием «человек» и «животное, зверь»: *животно* безслове(с)но (Син., 117. XVII в.). Человек, владеющий словом, занял господствующее место, не утратив все же своего родства с дикой природой: *дивии животи* оукрочаеми, и вольчицѣ, и скоумени, и львове, подъ пазоухою носимъ (Пч к. XIV в., 61 об. – СЛДРЯ II, 462) (не случайно греческие «Логика», известные в славянском научном мире со средних веков, рассматривая семантические признаки слова, выделяют в качестве синонимов такие общеродовые слова, как *человек* и *животное*).

Промысловые меховые зверьки – *вывозные животы* – являлись предметом купли-продажи, оплаты долгов и т.п.: А у него Егора въ домѣ *вывозныхъ животовъ* на 600 рублей бѣлки да на 500 рублей корольковъ и серебряная посуда, а на сколько цѣною, про то невѣдомо (Докл. в Сенате, II (2), 340. 1712 г. – СлРЯ VII, 338). В говорах крайнего севера Сибири слово *живот*, основываясь на первичной семантике, до сих пор употребляется в значении «пушнина»: «Чукчи с *животом* пришли сей год, богатые». Промысловика, имеющего много пушнины, называют на Севере *животный человек*.

С семантикой «живое существо», «животное» лексема *живот* и ее производные вышли из общего употребления по причине развития у нее значения «часть организма человека и животного, в котором находятся внутренности», известного в русском языке с XVI в., а в украинском – с XV в.

Субстантивированное имя прилагательное в форме среднего или женского рода *животно/ю*/, *животна/я*/ (колебания в роде объясняются, возможно, семантической амплитудой этого заимствования) активно функционирует в значениях «живое существо»,

«дикие животные», «домашние животные, скот» и в наши дни в современном русском языке (в форме среднего рода). Оно отмечено как в памятниках древнерусского периода, так и в русской, украинской и белорусской оригинальной и лексикографической письменности донационального периода: Морю Понеть скомоу скаменитиса ... ко всакои *животнѣи* измерзнуоти (Хрон. Георг. Амарт., 21. XIII – XIV вв. ~ XI в.); Море же Содомьское мертво есть не имать въ себѣ никакоже *животна*, ни рыбы, ни рака, ни сколіи (Хожд. Дан., 27. XV в. ~ 1108 г.); Онагръ, Дикій осель, *животно* подобное лоси (Лекс. Бер., 300); ... *животное малое з великими* ... (Пс., 104. XVII – ГСБМ X, 19); ω створеню скотовъ звѣровъ и иных *животных* в^с днь шестый (Хран., 4 – там же); *животною*: вшелакій звѣръ (Лекс. Бер., 37. 1627 г.); В «Кормчей» Балашова встречается лексема *животно*, называющая какую-то птицу: Быти ж убо зизу, *птицю нѣкоему животну* и мехерому ж четвероножину (Корм. Балаш., 495 об. XVI в.).

В древнерусский период еще одно производное от *живот* – *животина* передавало общие понятия «живое существо», «животное»: Псом же и котеламъ ... нелепымъ *животинамъ* ... оугажахоу (Хрон. Г. Амарт, 64. ~ XI в.); По семоу бо кромѣ юсмь всѣхъ *животинъ* (Посл. лет. Никифора Влад. Мон. – Р. дост. I, 64. XVI в. ~ XII в.). В более поздний период *животиной* стали называть преимущественно домашних животных: ωнъ в тотъ часъ выгналь свою *животину* и тотъ след затопѣталъ (КВЗС, 55. 1533 г.); такъ я рокъ на выкупъ той *животины* положиль былъ за две недели (АВК XVII, 286. 1541 г.).

Номены *живот*, *животина* и их производные (*жи(ы)вотишко*, *животишка*, *животинишка*, *животинишко*) в донациональный период развития близкородственных языков также функционируют в значении «домашние животные, скот»: Мы уставляемъ: ижъ такая невѣста изостать при *животинѣ* ... (АЗР I, 39. 1420 – 1423 гг.); ωнъ выручылъ у мене девятеро *животины* (КВЗС, 3. 1543 г.). Уничжительный и уменьшительный семантический оттенок суффикса *-ишк-* усиливается соответствующими определениями: панъ Германъ Шырай ... берегучы здоровья своего и з *убогими животишъками* своими, што могль вывезть з собою ... (АВК XXXIV, 61. 1655 г.). В «Лексиконе» П.Берынды зафиксирован дериват *жевотинице*: ест^с *жѣвотинице* нѣкое крилато тончайше якоже прахъ (Лекс. Бер., 323).

Наименование *животина*, означающее «живое существо», вышло из употребления в современных русском, белорусском и украинском языках. Но с аналогичной семантикой в украинском языке сохранилось слово *живина* (СУМ II, 524), впервые зафиксированное в XVI в.: Люде и инъшая *живина*, и *марга* (Тимченко, 922). В «Материалах для Словаря малорусского наречия» Я.Ф.Головацкого наряду с лексемой *живина* «животина, животное», «овцы» (гуц.) представлено составное наименование *живный четверъ* как синонимичное название религиозного праздника – страстного четверга (Головацкий, 543), что непосредственно связано с анализируемым словом: по народным поверьям в этот день выходят на поверхность животные, зимовавшие в норах. В бойковских говорах *страстный четверг* также называется *живный читвир'*, *живник* (Онишкевич I, 251).

В современном русском и украинском языках слово *животина* с семантикой «живое существо» употребляется только в разговорной речи (СУМ II, 527; СлРЛЯ IV, 123).

Функционирование лексемы *живность* в значениях «живое существо», «домашние животные и птицы», «животные вообще» (реже), «провиант», «пища» отмечено во многих старобелорусских документах: Тогды брат старши осмотревшы напередъ *живность домовую* ... мает тые малые долги выплатити (Ст., 35. 1529 г.); такъ стрѣлбы яко *живности* и людей, которыхъ ани въ порохъ, ани въ *живность* долгимъ часомъ выморить не могъ (АЗР III, 143. 1568 г.); хлѣба ему не боронено, а ижъ *рыб* и *иныхъ живностей*, чога ся он домогал не было (ИЮМ XXXII, 74. 1578 г.).

Словом *живность* в значении «провиант, еда» могли называться и съедобные растения: *Живность* маемо з^с ωвоцу лѣсног и зѣла, которое живит пустына, напаваючися росою

Нбсною (Варл., 154 – 154б – ГСБМ X, 13). Живностью считалось все, что можно было кушать и пить, что давало жизнь – мясо, овощи, зерно, вода и т.п.: взял з собою на дорогу *жывности то ест воды вина шцту и масла древянаго* (Зб., 752, 69).

В тексте «Сборнике поучений» лексема *жывнось* употреблена в значении «шкуры животных, изделия из них»: Антони⁸ *жывност* собѣ выробял, николи перед захоженемъ слонца не едал (Зб., 752, 483б).

В западной Руси для домашних животных, кроме номенов *жывнось*, *животина*, существовал ряд других общих наименований, например, *жывѣла* (производное – *жывѣліна*). Эта лексема могла называть домашних и диких животных: Знашли есмо водле того *олена* у пуци господарьской ... нижли лаю на того *олена* запустили были еще до света въ ночи (АВК XVII, 252. 1541 г. – ГСБМ XI, 115). В современном белорусском языке лексема *жывѣла* сохранила свои значения (ТСБЛМ, 201).

Результаты фиксации освоения действительности в восточнославянских языках, в основном, были тождественны, но имели и свои особенности, что проявилось, например, в оригинальности деривационных процессов, а также в разных результатах сохранения архаизмов в литературном языке и народных говорах. Интенсивность и детальность фрагмента действительности «дикие животные – домашние животные», проявляющиеся даже в одном слове, свидетельствуют об огромной функциональной значимости этого отрезка реальности. Закодированная во внутренней форме слова *живот* ассоциативная цепочка, частью утраченная на протяжении веков, повлияла на ментальность восточных славян, связавших воедино понятия «жизнь» и «животное».

Перспективность исследования языка как активного фактора формирования мышления несомненна. Связывая воедино вопросы взаимосвязи языка, мышления и культуры, мы решаем проблему реконструкции языковой картины мира восточных славян, раскрывая глубинные процессы формирования и развития лексического фонда восточнославянских языков XI – XVII вв.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 396 с.
3. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. – М.: МГУ, 1962.–382 с.
4. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Высшая школа, 1990. – 344 с.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

- АВК – Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов, т. I – XXXIX. Вильна, 1865 – 1915.
- АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. – СПб., 1846–1853. – Т.1 – 5.
- Арх. ЮЗР – Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, ч. I – VIII. Киев, 1859 – 1911.
- Бельск. – Хроника М.Бельского н. XVII в. Рукопись Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова – Щедрина, F IV. 688.
- ГСБМ – Исторический словарь белорусского языка. – вып. 1 – 27, Минск: Наука и техника, 1983 – 2007.
- ИЮМ – Историко-юридические материалы, извлеченные из архивных книг губерний Витебской и Могилевской, вып. I – XXXII. Витебск, 1871 – 1906.
- КПД – Литовская метрика. Книга публичных дел. – Русская историческая библиотека, т. XXX, Юрьев, 1914.
- СлРЯ – Словарь русского языка XI – XVII вв. – вып. 1 – 24, М. – Л.: Наука, 1975 – 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Пруткая – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологических дисциплин Николаевского государственного университета имени В.А.Сухомлинского.
Научные интересы: когнитивное языкознание.